

lightened Reforms of the Press and the Model of “Russian Magazine”: Dedicated to the 175th Anniversary of Pushkin’s “Contemporary”), *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2011, no. 4 (42), pp. 115–119.

19. Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t.* (The Complete Works and Letters in 30 Volumes. Letters in 12 Volumes), 30 vols., Vol. 1. Moscow: Nauka, 1982.

20. *Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov* (Chekhov in the Memoires of His Contemporaries). Moscow: Goslitizdat, 1960.

21. Rayfield, D. *Understanding Chekhov's: A Critical Study of Chekhov's Prose and Drama*, Madison: University of Wisconsin Press, 1999.

Л. П. Голикова¹,
М. В. Шаройко²

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАЛЕРИК»

«Валерик» М. Лермонтова осмысливается в контексте исторических событий, отраженных в поэме. Приводится дискуссия по поводу жанровой идентификации произведения. Содержательные интенции большого количества разнохарактерных рассказчиков, проанализированных в данной статье, указывают на основной полифонический принцип философского осмысления М. Лермонтовым событий на Кавказе.

Ключевые слова: поэма М. Лермонтова «Валерик», проблема личности и личной свободы в контексте мировых катаклизмов, исторический дискурс, вопросы жанровой идентификации, полифоничность произведения.

11 июня 1840 года, ровно за год и четыре дня до смерти, поручик Михаил Юрьевич Лермонтов принял участие в сражении русского отряда с кавказскими горцами-чеченцами при реке Валерик. Как известно, в этом сражении он отличился

¹ ГОЛИКОВА Лариса Порфирьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: ma-ra@bk.ru.

² ШАРОЙКО Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: ma-ra@bk.ru.

и был представлен к награде. Очевидцы сообщали об отчаянной храбрости Лермонтова, удивлявшей даже кавказских ветеранов [4, с. 337]. Молодой офицер, который «исполнял возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием» получил бы орден, если бы не личное вмешательство самого царя Николая I, который отказался утвердить представление. Награду Лермонтов не получил, но запечатлел свои воспоминания и размышления об этом событии в поэтическом произведении из 261 стиха без заглавия, начинающегося с фразы: «Я к вам пишу случайно, право...» [2, с. 200].

В стихотворном послании действительно запечатлен один из эпизодов Кавказской войны, связанный с боевыми действиями отряда генерал-лейтенанта А. В. Галафеева в Чечне. Сюжет произведения Лермонтова максимально соответствует описанию ключевых моментов сражения, содержащемуся в «Журнале военных действий» отряда Галафеева при реке, название которой возникло от первоначального «Валеран-хи» – «смерти река» [2, с. 689]. Причем совпадает не только фактическая основа, но и сам стиль, целые предложения «Журнала» и строки стихотворения.

Произведение свидетельствует не только о храбрости, но и художественном таланте автора. Оно продолжило тему Кавказа («Завещание», «Измаил-бей», «Каллы», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек» и др.), в которой автор передает свое отношение к войне. Причем драматизм ситуации в «кавказских» произведениях не ослаблен, а усилен и подчеркнут простотой выражения. По мысли Б. Эйхенбаума, «образ Лермонтова последних лет приобретает очень крупные черты как образ политического мыслителя и общественного деятеля, занятого самыми злободневными международными и историческими проблемами» [6, с. 123]. Идеи Лермонтова в этом направлении значительны не только сами по себе, но они оказали влияние на последующих писателей и мыслителей.

Д. Мережковский, например, видел «глубокое, хотя и скрытое влияние Лермонтова на Л. Толстого в гораздо большей степени, чем Пушкина». Критик исходил из тезиса «противоположения культурного и естественного состояния “войны и мира”, что, по сути, является метафизической осью, на которой вращается вся звездная система толстовского творчества» [5, с. 270]. Д. Мережковский сопоставлял «Мцыри» М. Лермонто-

ва с «Казачами» Л. Толстого, а «Валерика» – с «Войной и миром». Именно «Валерика» критик метко назвал «горчичным зерном», из которого выросло «исполинское дерево» «Войны и мира» [3, с. 195]. Проблема личности и личной свободы в контексте мировых катаклизмов, рассмотренная Д. Мережковским в «специфическом неорелигиозном повороте», остается в центре внимания и современных историков литературы, осмысляющих творческое наследие М. Лермонтова [5, с. 271].

Вопрос о заглавии или об отсутствии заглавия этого произведения остается открытым. Впервые поэма была опубликована в 1843 году. Его доставил с Кавказа через два года после гибели М. Лермонтова один из сослуживцев. Петербургские издатели напечатали текст под названием «Валерик», но рукопись до нашего времени не дошла. В черновом автографе М. Лермонтова этого названия не было. Современные редакторы, возможно по этой причине, заглавие опускают. Название «Валерик» близко замыслу произведения, поскольку конкретно указывается место кавказского сражения, его описание, последствия боя, размышления о нем. Первая же строка, обозначенная редактором как название, идейную суть сюжета не раскрывает, являясь завязкой-интригой. Высказывалось мнение, что это послание обращено к В. А. Лопухиной.

На сложность и неоднозначность произведения указывают и многочисленные попытки определить жанр произведения. Как отмечал в своей статье британский славист А. Бриггз, И. Андронников и В. Коровин считали «Валерика» стихотворением, В. Архипов – «поэмой о Кавказской войне». П. Антокольский утверждал, что это «большое стихотворение, почти поэма». Д. Мирский определял «Валерика» как «письмо в стихах». Б. Эйхенбаум, как и другие критики, относил «Валерика» к жанру «литературного послания»: «Этот интимный жанр Лермонтов развернул в целый стихотворный очерк, начинающийся в стиле письма». Первая и последняя части выдержаны в духе типичного любовного послания, обрамляющего описание битвы и походного быта. На этом уровне происходит соединение личного переживания героя и общего трагизма событий, участником которых он является.

Это произведение Лермонтова, считал Б. Эйхенбаум, «образец сочетания личных, интимных тем с эпическим и фило-

софским материалом, а потому выходит за рамки классического дружеского послания и приближается к жанру очерка» [6, с. 123]. «Валерик» часто рассматривают как поэтический рассказ о «картинах военной жизни», однако, его содержание и жанровая структура сложнее, чем просто документальный стихотворный очерк. Жанровая структура стихотворения отличается значительной сложностью, которая во многом обусловлена редким для того времени сочетанием батальной и любовной лирики. Это стихотворение – одно из свидетельств постоянного художественного «обмена» между лермонтовской прозой и поэзией, лирикой и лироэпикой.

Вопросы трансформации жанровых тенденций в стихотворении «Валерик» до сих пор остаются в поле зрения многих исследователей. К единому мнению ученые не пришли, считая невозможным четко обозначить совокупность основных формальных параметров этого произведения как определенный традиционный жанр. Но тем не менее можно склониться к точке зрения тех историков литературы, которые именуют «Валерика» поэмой [1, с. 404].

Несмотря на то, что поэма автобиографична (в ней описаны события, свидетелем и участником которых был сам поэт), она полифонична и многоголосна по своей природе. Лермонтов изменил соотношение «автор – лирический герой – лирическая ситуация», которое в предшествующей ему традиции посланий было предельно тесным и непосредственным. Между собой и лирической ситуацией своего стихотворения поэт поместил семь образов рассказчиков, посредством которых выражает свои чувства.

Поэма открывается и заканчивается обращением самого поэта к женщине, близкой и дорогой ему когда-то, но не забытой, чем и объясняется потребность в «исповеди»:

*Я к вам пишу случайно; право
Не знаю как и для чего [2, с. 200].*

...

*Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив... [2, с. 206].*

Этот рассказчик играет и композиционную роль, замыкая повествование в кольцо.

«Второй» рассказчик, риторически размышляющий, обращается уже не к одному конкретному лицу, а ко многим:

*...Тоской томимый
Им вслед смотрел я недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали [2, с. 204].*

«Третий» рассказчик безличен, он обращен к самому себе:

*Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постиг [2, с. 201].*

Мысли и чувства рассказчика выражены прямо и создают в определенной мере характер лирического героя.

Четвертый рассказчик «безадресный», наиболее часто встречающийся в поэме. Он не конкретизирует события и действующих лиц:

*Чу – дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик – и снова все вокруг
Затихло... но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота [2, с. 202].*

Пятый рассказчик, предположительно, солдат, рассказывающий о военных событиях, местах сражений, в которых принимал участие:

*Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.*

...
*Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов выносят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей [2, с. 203].*

В процессе перестройки лирического монолога возникает шестой рассказчик – объективно-повествовательный, он передает точные детали, реальные события, описывает людей, их действия в конкретной ситуации:

*Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
Спасите, братцы... [2, с. 204].*

Седьмой рассказчик дает представление о разговорах участников сражения, их воспоминаниях о прошедших боях:

*Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам [2, с. 201].*

Или события передаются в форме прямого диалога, уточняются реалии минувшего боя:

*...я его спросил,
Как месту этому название?
Он отвечал мне: Валерик,
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми.
– А сколько их дралось примерно*

*Сегодня? – Тысяч до семи.
 – А много горцы потеряли?
 – Как знать? – зачем вы не считали! [2, с. 205].*

Содержательные интенции большого количества разнохарактерных рассказчиков, введенных Лермонтовым в структуру текста, свидетельствуют об основном принципе поэмы – полифоничности, многоголосии: от самых тривиальных выражений: «Вы это знаете давно; / И вам, конечно, все равно», – до глубоких философских размышлений, свидетельствующих об отношении автора к войне:

*Тянулись горы – и Казбек
 Сверкал главой остроконечной.
 И с грустью тайной и сердечной
 Я думал: жалкий человек.
 Чего он хочет!.. небо ясно,
 Под небом места много всем,
 Но беспрестанно и напрасно
 Один враждует он – зачем? [2, с. 205].*

Сложность лирических приемов тесно связана с обширностью смыслового содержания, несмотря на сравнительно небольшой объем. Они возникли не случайно, а были выбраны Лермонтовым намеренно как самое эффективное средство выражения целого ряда идей, связанных с военными событиями на Кавказе (и философским их осмыслением). Поэт трансформирует двухголосное по своей жанровой природе послание в одноголосное, а затем преобразует в полифонию голосов, позволивших поэту в определенном отношении дистанцироваться от текста и в то же время реализовать комплекс смысловых и эмоциональных импульсов. Смешение жанров – от литературного послания до поэмы – указывает на многоплановость идейно-художественного замысла этого произведения.

Использованная литература:

1. Бриггз А. Смешение жанров в «Валерике» Лермонтова // Ruska literature XIX–XX вв.: Sborník příspěvků z konference. Plzeň, pedagogická fakulta, 1996.

2. Лермонтов М. Ю. Собрание сичинений: в 2-х т. М.: Правда, 1988.

3. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. СПб., 1911.

4. Русские писатели: Биографический словарь: в 4-х т. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 3.

5. Усок И. В. «Ночное светило русской поэзии» (Мережковский о Лермонтове) // Д. С. Мережковский. Мысль и слово. М.: Наследие, 1999.

6. Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961.

HISTORICAL DISCOURSE AND GENRE-STYLISTIC SPECIFICITY OF M. LERMONTOV'S POEM «VALERIK»

GOLIKOVA, Larisa – Cand. Sc. (National Literature), Prof., Department of the History of Russian Literature, Theory of Literature and Critic, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: ma-ra@bk.ru

SHAROJKO, Marina – Cand. Sc. (National Literature), Assos. Prof., Department of the History of Russian Literature, Theory of Literature and Critic, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: ma-ra@bk.ru

«Valerik» by M. Lermontov is comprehended within the context of the historic events reflected therein. The article speculates over the genre identification of the poem. The content intentions of a great number of different narrators analyzed in the article identify the main polyphonic principle of Lermontov's philosophical comprehension of the events in the Caucasus.

Keywords: *M. Lermontov's poem «Valerik», problem of personal-ity and personal freedom in the context of world cataclysms, historical discourse, questions of genre identification, polyphony of the poem.*

References:

1. Briggz, A. Smeshenie zhanrov v "Valerike" Lermontova (Mixing of the Genres in Lermontov's Poem "Valerik", in *Ruska literatura XIX–XX vv.: sborník příspěvků z konference*. Plzen. 1996.

2. Lermontov, M. Yu. *Sobranie sochineniy v dvukh tomakh* (Selected Works in Two Volumes). Moscow: Pravda, 1988.

3. Merezhkovskiy, D. S. *M. Yu. Lermontov. Poet sverkhchelovechestva* (Mikhail Lermontov. Poet of Supermankind). St. Petersburg, 1911.

4. *Russkie pisateli: biograficheskiy slovar*, (Russian Writers: Biography Vocabulary), 4 vols., Vol. 3. Moscow: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya, 1994.

5. Usok, I. V. "Nochnoe svetilo russkoy poezii" (Merezhkovskiy o Lermontove) ("Night Luminary of Russian Poetry" Merezhkovskiy about Lermontov), in *D. S. Merezhkovskiy: Mysl i slovo*. Moscow: Naslediye, 1999.

6. Eykhenbaum, B. M., *Stati o Lermontove* (Articles about Lermontov). Moscow; Leningrad, 1961.

Е. А. Жиркова¹

НЕОЧЕВИДНЫЕ ДОМИНАНТЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Статья посвящена проблеме интерпретации художественного текста. Автор вводит понятие неочевидной доминанты и обозначает основные ее характеристики. В работе показано, насколько важна для адекватной интерпретации художественного образа актуализация семантики неочевидных доминантных текстовых структур. Обнаружение неочевидных доминант позволяет значительно углубить понимание образа главного героя романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Ключевые слова: неочевидные доминанты, очевидные доминанты, сильные позиции текста, художественный образ, семантика, актуализация.

Наряду с доминантными структурами, находящимися в сильных текстовых позициях, структурами, изучающимися давно и успешно, существует область доминантных структур, которые можно назвать неявными, неочевидными [2]. Эти неочевидные доминантные структуры легко можно не

1 ЖИРКОВА Евгения Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: evgeniya-zhirkova@mail.ru.